

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Субъективная сторона как элемент состава преступления»

Обучающийся

И.В. Гниломедова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Актуальность работы обусловлена особой значимостью субъективной стороны преступления для квалификации и, вместе с тем, сложностью ее установления в отдельных случаях. Именно субъективная сторона для ряда составов имеет ключевое значение при их ограничении от смежных деяний. Кроме того, имеет место недостаточно корректная регламентация отдельных элементов субъективной стороны в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации. Цель работы состоит в комплексном анализе субъективной стороны, как элемента состава преступления.

Задачи заключаются в:

- рассмотрении понятия и содержания субъективной стороны преступления;
- исследовании уголовно-правового значения субъективной стороны преступления;
- исследовании вины, как обязательного признака субъективной стороны преступления;
- рассмотрении мотива и цели, как факультативных признаков субъективной стороны преступления;
- анализе проблем установления субъективной стороны как одного из обязательных элементов состава преступления;
- анализе ошибок, допускаемых при определении субъективной стороны преступных посягательств.

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и значение субъективной стороны как элемента состава преступления.....	7
1.1 Понятие и содержание субъективной стороны преступления.....	7
1.2 Уголовно-правовое значение субъективной стороны преступления	14
Глава 2 Общая характеристика обязательного и факультативных признаков субъективной стороны	22
2.1 Вина как обязательный элемент субъективной стороны	22
2.2 Мотив и цель как факультативные признаки субъективной .стороны	29
Глава 3 Проблемы субъективной стороны как элемента состава преступления в уголовном праве России.....	38
3.1 Проблемы установления субъективной стороны как одного из обязательных элементов состава преступления.....	38
3.2 Ошибки, допускаемые при определении субъективной стороны преступных посягательств.....	46
Заключение.....	53
Список используемой литературы и используемых источников	58

Введение

Актуальность работы обусловлена особой значимостью субъективной стороны преступления для квалификации и, вместе с тем, сложностью ее установления в отдельных случаях. Субъективная сторона преступного деяния зачастую, остается в субъективной плоскости и установить ее признаки не представляется возможным. В свою очередь, именно субъективная сторона для ряда составов имеет ключевое значение при их ограничении от смежных деяний. Кроме того, имеет место недостаточно корректная регламентация отдельных элементов субъективной стороны в статьях Уголовного кодекса Российской Федерации. В современной доктрине отмечается недостаточное внимание правоприменителя к факультативным признакам субъективной стороны преступления в процессе квалификации, что влечет различного рода квалификационные ошибки [39, с. 4]. Все это говорит о необходимости дальнейшего исследования такого элемента состава преступления, как субъективная сторона, и разработки практических рекомендаций, направленных на совершенствование ее правового регулирования.

Степень научной разработанности. Тема исследования является недостаточно изученной, о чем говорит сравнительно небольшое количество диссертационных исследований. Можно отметить, что в сравнении с иными элементами состава преступления, субъективная сторона исследована менее всего. Ряд вопросов, касающихся субъективной стороны преступления, остаются нерешенными, в правовой регламентации признаков субъективной стороны преступления сохраняются недостатки, что говорит о необходимости дальнейшего исследования обозначенной темы. Тема субъективной стороны преступления становилась предметом исследования таких авторов, как Е.В. Маслова («Факультативные признаки субъективной стороны преступления: теоретико-прикладное исследование»), А.В. Неустроева («Правовые и криминалистические проблемы субъективной стороны преступления»), И.Н. Улитин («Факультативные признаки субъективной

стороны преступления в составах преступлений против жизни и здоровья: теоретико-прикладное исследование»).

Теоретическую основу исследования составили труды таких авторов, как: А.А. Абдульманов, Н.А. Авдеенко, С.В. Боровиков, А.В. Бриллиантов, М.Г. Беляева, Е.К. Борисова, Н.В. Валуйсков, В.Б. Виденькина, С.В. Векленко, И.П. Семченков, А.А. Гадышев, С.А. Гавриленков, Е.А. Галушкина, А.М. Герасимов, Е.А. Гиль, И.А. Грецкий, С.П. Донец, Б.В. Епифанов, А.А. Зотова, Е.В. Затуливетров, К.Л. Колчакова, С.Ю. Кораблева, А.Г. Кулев, Л.Ю. Ларина, Р.В. Макаров, Е.В. Маслова, А.М. Муромцев, В.В. Набойченко, Н.С. Новиков, А.И. Пашков, А.И. Плотников, А.И. Рарог, А.Д. Сидорова, Т.М. Сидакова, Л.Х. Караева, В.В. Степанова, И.Н. Улитин, Е.А. Шевченко В.А. Якушин и других.

Нормативную основу работы составили нормы: Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации и других нормативных актов.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере установления признаков субъективной стороны преступления.

Предмет изучения – правовые нормы, научная доктрина, материалы судебной практики, относящиеся к установлению признаков субъективной стороны преступления.

Цель работы состоит в комплексном анализе субъективной стороны, как элемента состава преступления.

Задачи заключаются в:

- рассмотрении понятия и содержания субъективной стороны преступления;
- исследовании уголовно-правового значения субъективной стороны преступления;
- исследовании вины, как обязательного признака субъективной стороны преступления;

- рассмотрении мотива и цели, как факультативных признаков субъективной стороны преступления;
- анализе проблем установления субъективной стороны как одного из обязательных элементов состава преступления;
- анализе ошибок, допускаемых при определении субъективной стороны преступных посягательств.

Методологическую основу работы составили общие (анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия, наблюдение, дедукция и индукция) и специальные методы (сравнительно-правовой, формально-логический).

Теоретическая и практическая значимость выпускной квалификационной работы состоит в том, что представленные выводы и предлагаемые рекомендации могут быть использованы для совершенствования законодательства в учения о составе преступления.

Обозначенные цель и задачи обусловили следующую структуру работы: введение, три главы, подразделенные на шесть параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и значение субъективной стороны как элемента состава преступления

1.1 Понятие и содержание субъективной стороны преступления

Субъективная сторона преступления, наряду с объектом, субъектом и объективной стороной, является обязательным элементом состава преступления. В уголовном законе определение понятия субъективной стороны не закреплено. В современной доктрине встречаются различные подходы к определению данного понятия. Так, О.С. Капинус определяет субъективную сторону, как «психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления». Автор также отмечает, что «субъективная сторона характеризует внутренние, психологические процессы, происходящие в психике виновного» [31, с. 98]. Однако, как именно выражается данная психическая деятельность на совершении преступлении, не указывается.

Е.А. Шевченко дает более точное определение исследуемого понятия, делая акцент на психической компоненте субъективной стороны, автор уточняет, что «психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию и его последствиям, получает своё выражение в соответствующей форме вины, а также мотиве и цели общественно опасного посягательства» [60, с. 262].

А.М. Герасимов также полагает, что «субъективная сторона подразумевает психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением уголовно наказуемого деяния» [24, с. 188]. Данный автор также не раскрывает, в чем именно выражается связь психической деятельности с преступлением. К данному определению можно отнести фактически любой из элементов субъективной стороны.

Согласно другому подходу, «субъективная сторона представляет собой внутреннюю сторону преступления, психическое отношение лица к

совершаемому деянию и его последствиям, которые получают своё выражение в соответствующей форме вины, а также в мотиве и цели общественно опасного посягательства» [60, с. 263].

В одном из учебных источников субъективная сторона определяется как «элемент состава преступления, который характеризует внутреннее содержание преступления, т.е. процессы отражения деяния в психике лица, его совершающего» [1, с. 112]. Думается, что именно таким образом наиболее корректно определять субъективную сторону преступления.

Распространены позиции исследователей, согласно которым понятие субъективной стороны определяется путем синтезирования двух аспектов – внутренней составляющей преступного деяния и психического отношения субъекта преступления к совершенному деянию. А.Д. Сидорова формулирует следующее определение субъективной стороны: «субъективная сторона представляет собой внутреннюю сторону преступления, психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям, которые получают своё выражение в соответствующей форме вины, а также в мотиве и цели общественно опасного посягательства» [53, с. 49].

А.В. Бриллиантов аналогично определяет субъективную сторону, как «внутреннюю сторону преступления, психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением им преступления» [18, с. 42]. Похожую позицию занимает и А.И. Рарог, который определяет субъективную сторону, как «психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления» [28, с. 138].

В.В. Степанова указывает, что субъективная сторона «отражает психическое отношение лица к совершенному им преступлению, насколько преступник осознает свои действия и желает ли наступления последствий» [54, с. 22].

Б.В. Епифанов более точно определяет субъективную сторону преступления – как «отражение в сознании виновного объективных признаков содеянного и отношение к ним субъекта, которая характеризуется конкретной

формой вины, мотивом, целью, а в отдельных случаях и эмоциями, она есть своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта» [28, с. 139]. С данным определением представляется целесообразным согласиться, поскольку субъективная сторона связана с объективной стороной, именно объективная сторона может выступать отражением субъективной.

Таким образом, можно отметить, что большинство современных исследователей определяют субъективную сторону преступления определяют, как психическую деятельность лица, связанную с совершением им преступления. С данным подходом сложно согласиться, поскольку оно недостаточно точное, размытое, не отражающее особенностей исследуемого понятия, не указывающее, в чем именно выражается связь психической деятельности с преступлением. Кроме того, в рамках данного подхода не указывается на то, что субъективная сторона является обязательным элементом состава преступления, что представляется неверным. Относительно имеющихся в современной доктрине определений понятия субъективной стороны можно отметить их немногочисленность, дублирование друг друга, что говорит о недостаточной проработанности института субъективной стороны в науке уголовного права.

Думается, что наиболее корректным является определение субъективной стороны следующим образом: «элемент состава преступления, который характеризуется отражением в сознании виновного объективных признаков содеянного и отношением к ним субъекта, характеризуется конкретной формой вины, мотивом, целью, а в отдельных случаях и эмоциями, своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта» [28, с. 139].

Что касается содержания субъективной стороны преступления, то в современной доктрине большинство авторов выделяют такие ее элементы, как вина, цель и мотив. Однако, некоторые исследователи также «включают в

содержание субъективной стороны эмоции» [28, с. 140]. Рассмотрим подробнее каждый из указанных элементов.

Основным обязательным элементом субъективной стороны является вина, которая представляет собой «психическое отношение лица к совершающему им преступлению, выраженное в форме умысла или неосторожности» [28, с. 140]. С.А. Маркунцов говорит, что «это состояние лица, когда оно понимает, что у него есть возможность выбора – совершать преступление или нет, но в силу личностных особенностей, субъект преступления не может противостоять желанию совершить преступное деяние» [38, с. 204].

Согласно еще одному подходу, вина «есть психическое отношение лица к совершающему им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности» [27, с. 51].

Проанализированные определения вины говорят о том, что некоторыми авторами отождествляется определение вины и субъективной стороны. И, хотя вина, выступая в качестве обязательного элемента субъективной стороны, безусловно, обладает ее качествами, но понятие субъективной стороны более широкое по объему. При определении вины необходимо указывать, что она является элементом субъективной стороны, но отождествлять обозначенные явления неправильно.

Следующая составляющая субъективной стороны преступления – это мотив. «Мотив не является обязательным элементом субъективной стороны, однако, в отдельных случаях имеет ключевую роль в квалификации отдельных видов преступлений. Мотив и цель характерны исключительно для умышленных преступлений. В преступлениях с неосторожной формы вины мотив и цель не могут иметь места. В этой связи определение вины является

первостепенным по отношению к установлению цели и мотива. Если в цель или мотив указаны в качестве обязательного элемента того или иного состава преступления, для данного состава будет характерна умышленная форма вины» [28, с. 140].

Исследователями мотив определяется, как «обусловленное потребностями человека осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо, совершающее преступление» [28, с. 140].

Следующий факультативный признак субъективной стороны преступления – это цель. Цель можно определить, как желаемый результат, который хочет достичь субъект посредством совершения преступного деяния. Авторы дают следующее определение цели, как одного из элементов субъективной стороны: «цель – это представление лица о тех желаемых изменениях во внешнем мире, которые должны произойти в результате совершения преступления» [28, с. 140].

Следующий элемент субъективной стороны выделяется только некоторыми авторами – это «эмоции или эмоциональные переживания» [28, с. 140], которые определяются исследователями, как «психические переживания, которые испытывает лицо до, во время или после совершения преступления. В большинстве случаев они не имеют юридического значения, однако являются конститутивным признаком в отдельных составах преступлений (ст. 107 УК РФ. Убийство в состоянии аффекта, ст. 113 УК РФ. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью) и подлежат установлению» [28, с. 140].

В.А. Якушин отмечает, что психическое отношение субъекта преступления может состоять из трех аспектов – интеллектуальный волевой и эмоциональный. И в зависимости от того, какой из них преобладает, можно говорить о состоянии субъекта – эмоциональном, волевом или интеллектуальном [62, с. 134].

Исследователями выделяются такие виды эмоций, которые могут иметь значение при совершении преступления, как аффект, настроение, гнев, обида,

стресс и другие [62, с. 136]. Обозначенные эмоции, в определенных случаях, могут стать побуждающим фактором для совершения преступления субъектом. Наиболее сильной эмоцией, которая отражена в уголовном законе, является аффект, т.е. «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения» [56]. «Аффект является настолько сильной эмоцией, что человек в данном состоянии теряет контроль над собой и своими действиями, не может руководить ими в должной мере. Физиологический аффект не лишает человека вменяемости. В свою очередь, патологический аффект может выступать в качестве основания признания лица невменяемым или ограниченно вменяемым» [62, с. 136.].

Сильный и систематический стресс также способен оказывать влияние на психику и поведение человека, и в определенных обстоятельствах, может побудить лицо совершить преступление. Исследователи отмечают, что в состоянии сильного душевного волнения и сильного стресса нарушается нормальная деятельность мозга, прерывается связь подкорки головного мозга с его корой [62, с. 136]. Вышеуказанное свидетельствует о том, что эмоции также являются элементом субъективной стороны преступления, поскольку могут побуждать к совершению преступления, а в ряде случаев - выступать в качестве причины его совершения субъектом.

Отношение к эмоциям, как к элементу субъективной стороны преступления, в современной доктрине неоднозначно. Встречаются в основном, три подхода: это отнесение эмоций к факультативным признакам субъективной стороны; отнесение эмоций к субъекту преступления и не отнесение эмоций ни к субъективной стороне, ни к субъекту.

А.И. Рарог указывает на «двойственное значение эмоций для состава преступления» [58, с. 75]. Автор указывает, что «эмоции, в одних случаях являются признаком субъекта, в других - субъективной стороны. Если влияние эмоционального состояния на совершение преступления невозможно определить, то в данном случае они будут являться признаком субъекта. Если же эмоции имеют значение для оценки психологического содержания

преступления, они являются самостоятельным признаком субъективной стороны преступления» [58, с. 75].

Необходимо отметить, что уголовный закон предусматривает ситуации, когда эмоциональное состояние (аффект) закреплено в качестве элемента состава преступления (ст. 107, ст. 113 УК РФ).

Таким образом, в качестве вывода к данному параграфу можно указать следующее: большинство современных исследователей определяют субъективную сторону преступления определяют, как психическую деятельность лица, связанную с совершением им преступления. С данным подходом сложно согласиться, поскольку оно недостаточно точное, размытое, не отражающее особенностей исследуемого понятия, не указывающее, в чем именно выражается связь психической деятельности с преступлением. Кроме того, в рамках данного подхода не указывается на то, что субъективная сторона является обязательным элементом состава преступления, что представляется неверным. Относительно имеющихся в современной доктрине определений понятия субъективной стороны можно отметить их немногочисленность, дублирование друг друга, что говорит о недостаточной проработанности института субъективной стороны в науке уголовного права.

Думается, что наиболее корректным является определение субъективной стороны следующим образом: «элемент состава преступления, который характеризуется отражением в сознании виновного объективных признаков содеянного и отношением к ним субъекта, характеризуется конкретной формой вины, мотивом, целью, а в отдельных случаях и эмоциями, своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта» [28, с. 139].

Содержание субъективной стороны может выражаться в совокупности таких её элементов, как вина, цель и мотив. В современной научной среде можно встретить также мнения, согласно которым в содержание субъективной стороны включаются эмоции.

1.2 Уголовно-правовое значение субъективной стороны преступления

Субъективная сторона преступления является обязательным элементом состава преступления и несет важное уголовно-правовое значение. Исследователи по-разному определяют значение субъективной стороны. Ряд авторов находят его в том, что установление субъективной стороны позволяет ограничивать преступление от иных менее общественно-опасных деяний, а также ограничивать смежные составы друг от друга. Кроме того, субъективная сторона выступает в качестве основания уголовной ответственности. Е.А. Шевченко отмечает, что «причинение общественно опасных последствий при отсутствии вины не является преступлением. Благодаря субъективной стороне преступления можно ограничить друг от друга составы, которые схожи по объективным признакам. Некоторые составы отличаются именно по признакам субъективной стороны преступления. Например, убийство (статья 105 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (статья 109 УК РФ), различаются только по форме вины» [60, с. 261].

Вышеприведенный пример иллюстрирует ситуацию, когда ограничение смежных деяний возможно по субъективной стороне. Аналогичным примером может также послужить необходимость ограничения «убийства» от «причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего» [56]. Основным критерием ограничения в данном случае будет выступать такой элемент субъективной стороны, как цель. Для убийства – это причинение смерти, а для причинения тяжкого вреда – это отсутствие обозначенной цели. На выявление цели причинения смерти или вреда здоровью может быть направлено установление характера имеющихся телесных повреждений (травмы, несовместимые с жизнью, нанесенные по жизненно важным органам будут говорить о наличии цели убийства). Также при рассмотрении дела о

причинении вреда здоровью потерпевшего, необходимо учитывать не только степень травм, но и их характер. Ведь именно он может свидетельствовать о том, было ли целью нападения нанесение серьезных телесных повреждений. Кроме того, о наличии цели убийства, в определенных случаях, могут говорить высказанные субъектом преступления соответствующие угрозы.

В качестве еще одного примера, когда разграничение составов осуществляется, в том числе, по субъективной стороне, можно привести злоупотребление должностными полномочиями. Для данного деяния мотив имеет важное значение. Его установление позволяет отграничить данный состав от такого смежного действия, как превышение должностных полномочий. Для состава злоупотребления должностными полномочиями наличие мотива является обязательным элементом, а превышение должностных полномочий может совершаться и по другим мотивам, но корыстная или личная заинтересованность для данного состава будет выступать в качестве особо квалифицирующего обстоятельства.

Субъективная сторона имеет важное значение при ограничении добровольного отказа от совершения преступления от покушения на преступление, когда деяние не было доведено до конца по независящим от субъекта обстоятельствам. Добровольность, как признак отказа от преступления, заключается в том, что субъект, осознавая возможность доведения преступления до конца, исключительно по собственной воле отказывается от этого. Решение прекратить планируемую преступную деятельность должно исходить непосредственно от самого субъекта, без влияния каких-либо препятствующих факторов.

Следующим значимым аспектом субъективной стороны преступления авторы называют то, что она позволяет назначить справедливое наказание субъекту, поскольку учет ее элементов способствует индивидуализации уголовной ответственности. Мотив и цель преступного действия могут оказывать влияние, как на смягчение, так и на усиление уголовного наказания. Так, «мотив сострадания выступает в качестве смягчающего обстоятельства, а

мотив политической, расовой или религиозной ненависти выступает в качестве основания, отягчающего наказание» [56].

Благодаря установлению элементов субъективной стороны возможно варьирование степени общественной опасности преступного деяния. Для неосторожных деяний характерна меньшая степень общественной опасности, чем для умышленных. У преступлений с корыстными мотивами, мотивами мести или мотивами ненависти степень общественной опасности будет выше, чем у преступления, совершенного по мотиву сострадания.

Цель преступления также имеет значение при определении общественной опасности и назначении наказания. Так, совершение преступления с целью скрыть другое является квалифицирующим обстоятельством и повышает степень общественной опасности и размер наказания. Если за простое убийство уголовным законом предусмотрено максимально наказание в виде «лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет» [56], то за «убийство, совершенное с целью скрыть другое преступление или с целью использования органов и тканей потерпевшего максимальное наказание предусмотрено в виде пожизненного лишения свободы» [56].

Н.С. Новиков отмечает, что «степень общественной опасности самого преступления и совершившего его лица и, соответственно, характер ответственности и размер наказания, учитывающих положения статей 61, 63, 64 Уголовного кодекса Российской Федерации, в значительной степени определяются фактическим содержанием facultativных признаков субъективной стороны преступления, даже если они не указаны в конкретной норме Особенной части Уголовного кодекса. Установление субъективных признаков преступления завершает анализ фактических элементов преступного поведения и дает основание сделать вывод о наличии общественной опасности и противоправности совершенного деяния, а, в конечном счете – о виновности лица, его совершившего, и его ответственности» [42, с. 79].

Обязательный элемент субъективной стороны - вина - рядом исследователей называется в качестве критерия категоризации преступлений в уголовном праве [35, с. 131]. Как известно, уголовный закон выделяет четыре категории преступлений - небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкое и особо тяжкое. Существование такого критерия в категоризации преступлений необходимо, в связи с тем, что общественная опасность должна быть меньше, если преступлений совершено не умышленно и соответственно наоборот, если совершено умышленное преступление. Преступление, совершенное по неосторожности, показывает, что человек не предвидел или надеялся избежать наступления таких последствий, соответственно, такое преступление должно признаваться менее тяжким.

Вина является не только важным критерием категоризации преступлений, но и важнейшей частью уголовного права. Без этого элемента невозможен сам состав преступления, потому что вина является обязательным признаком элемента состава преступления – субъективной стороны. Вина представляет собой необходимую предпосылку уголовной ответственности и наказания, образуя суть субъективного вменения: какими тяжкими не были бы последствия, ответственность наступает лишь за виновное их причинение, объективное вменение является недопустимым.

Разница между умышленной и неосторожной виной позволяет нам понять, что общественная опасность преступления, совершенного умышленно, является более высокой, чем общественная опасность преступления, совершенного по неосторожности.

Можно привести следующий пример. В ч. 1 ст. 105 УК РФ сказано: «убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, – наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового» [56]. В противовес к этой статье существует ч. 1 ст. 109 УК РФ, в которой указано следующее: «наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными

работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок» [56].

Примечательным является то, что до определенного времени убийством в уголовном законе было принято называть не только умышленное причинение смерти, но и причинение смерти по неосторожности также именовалось убийством по неосторожности.

Ряд ученых полагают правильным отнесение к понятию убийства не только умышленных, но и неосторожных деяний. Это представляется не совсем корректным, поскольку понятие убийства должно быть наделено самостоятельными, конкретными признаками, отличающими его от других противоправных деяний. Думается, что каждое преступление, закрепленное Уголовным законом, должно обладать конкретностью, отличающей его от смежных составов [2, с. 59].

Из вышеуказанной уголовно-правовой нормы видно, что максимальным наказанием при умышленном убийстве является лишение свободы на срок до пятнадцати лет, а при причинении смерти по неосторожности максимальное наказание равняется двум годам лишения свободы. Следовательно, данный пример показывает, что при одинаковом результате совершенных преступлений, у них будет разная степень и характер общественной опасности.

На основании вышеизложенного представляется правильным наличие в категоризации преступлений такого критерия как форма вины, потому что он позволяет более четко определить степень и характер общественной опасности совершенного преступления, то есть дать правильную категорию преступлениям.

Как критерий категоризации конкретно особо тяжкого преступления, форма вины имеет отличительную способность по сравнению с другими категориями преступлений. В критериях особо тяжкого преступления не указана неосторожная форма вины, что означает невозможность совершения особо тяжкого преступления по неосторожности. Все остальные категории преступлений могут быть совершены по неосторожности. Это значит, что все

категории, кроме особо тяжкого преступления могут быть более или менее общественно опасными, в зависимости от формы вины, а для особо тяжкого преступления характерны наивысшая степень вины и общественной опасности, что позволяет отнести подобные преступления к наиболее тяжким из возможных.

Интересным представляется точка зрения С.В. Векленко и И.П. Семченкова, которые обосновывают, что субъективная сторона вовсе не является обязательным элементом состава преступления, хотя в отдельных случаях и имеет значение при квалификации деяния. Авторы указывают, что «в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности вина, мотив, цель и эмоции имеют свое особое самостоятельное значение, которое нисколько не зависит от того, относят их к признакам состава преступления или нет, и которое нисколько не изменится от того, что доктрина уголовного права откажется от выделения в преступлении каких-либо его составных частей (элементов), в том числе, разумеется, и субъективной стороны. Еще более простым является обоснование того, что пассивная форма преступления, то есть преступное бездействие, никаких элементов, в том числе и субъективной стороны, в себе не содержит» [20, с. 11]. С этим представляется целесообразным не согласиться, поскольку преступное бездействие, также, как и действие, подразумевает наличие вины. К примеру, такой состав преступления, как оставление в опасности совершается путем бездействия, однако в данном случае налицо наличие вины в форме умысла. Согласно положению ст. 125 УК РФ оставление без помощи потерпевшего является заведомым, а значит, совершается умышленно. В данном случае очевидно наличие субъективной стороны.

Субъективная сторона также имеет важное значение при ограничении преступного от непреступного поведения. Согласно ст. 115 УК РФ, «причинение общественно опасных последствий без вины, неосторожное совершение деяния наказуемы только при наличии умысла; если такового нет, то такое деяние не может быть признано преступлением» [50]. Это, в

частности касается различного вида хищений, для которых характерно наличие прямого умысла и корыстной цели. Для состава преступления, предусмотренного ст. 153 УК РФ также обязательно наличие «корыстных или иных низменных побуждений». В противном случае, данные деяния не будут являться преступлением.

В качестве еще одного уголовно-правового значения субъективной стороны можно назвать необходимость установления такого ее признака, как эмоциональное состояние, для квалификации деяния по ст. ст. 106, 107, 113 УК РФ. Для квалификации деяния по ст. 106 УК РФ необходимо установить наличие «психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости» [56].

Для квалификации деяния по ст. 107 или ст. 113 необходимо установить наличие состояния аффекта. Особым психическим состоянием субъекта характеризуется совершение преступления в состоянии аффекта, когда наблюдается сильное душевное волнение, в результате которого или результатами которого, наблюдается увеличение эмоционального напряжения. Субъективная сторона этих преступлений может характеризоваться как прямым, так и косвенным умыслом. Оба из умыслов могут быть внезапно возникшими, помимо случаев с психотравмирующей ситуацией. Мотивы убийства совершенного в состоянии аффекта могут быть разными. Однако если убийство совершается в ответ на противоправные действия потерпевшего – это, чаще всего, месть, обида или ненависть.

Таким образом, необходимо сделать вывод о важном уголовно-правовом значении субъективной стороны преступления. Основные значимые аспекты субъективной стороны возможно сформулировать следующим образом:

- позволяет ограничивать преступное деяние от непреступного, а также смежные составы преступлений друг от друга;
- необходима для индивидуализации наказания;
- взаимосвязана со степенью общественной опасности преступления;

- имеет важное значение при отграничении добровольного отказа от совершения преступления от покушения на преступление;
- рассматривается рядом исследователей в качестве критерия категоризации преступлений;
- является ключевой для квалификации ряда составов.

Необходимо также обратить внимание, а то, что рядом исследователей обосновывается, что субъективная сторона вовсе не является обязательным элементом состава преступления, более того, имеет место ее отсутствие для составов преступлений, которые совершаются путем бездействия. С этим представляется целесообразным не согласиться, поскольку преступное бездействие, также, как и действие, подразумевает наличие вины. К примеру, такой состав преступления, как оставление в опасности совершается путем бездействия, однако в данном случае налицо наличие вины в форме умысла. Согласно положению ст. 125 УК РФ оставление без помощи потерпевшего является заведомым, а значит, совершается умышленно. В данном случае очевидно наличие субъективной стороны.

Глава 2 Общая характеристика обязательного и факультативных признаков субъективной стороны

2.1 Вина как обязательный элемент субъективной стороны

Формам вины в уголовном законе посвящена глава 5, но определение самому понятию вины УК РФ не дает. В современной доктрине «вину обычно определяют как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, включая общественно опасные последствия действия либо бездействия» [31, с. 121].

А.А. Гадышев пишет, что «субъективное условие ответственности, называемое виной, отражает индивидуальное отношение правонарушителя к своим незаконным действиям и их последствиям. Понятие вины является обобщающим и включает в себя общие характеристики, присутствующие в различных формах и проявлениях вины» [22, с. 46].

В целом, современной науке выделяется четыре основных подхода к пониманию вины в уголовном праве: нормативный или уголовно-правовой, психологический, социальный и предметный [13, с. 352]. Согласно первому подходу, вина определяется, исходя из указанных в законодательстве ее подвидов – умысла и неосторожности.

Согласно психологическому подходу, вина определяется как «психическое отношение субъекта преступления к содеянному» [59, с. 80]. Сторонником данного подхода был А.А. Пионтковский, который определял вину как «умысел и неосторожность, выраженные в совершенном лицом преступлении» [59, с. 80].

Согласно психологическому подходу вина включает в себя совокупность сознания и воли по отношению к совершенному деянию. Исследователями указывается, что «воля – способность человека к сознательной саморегуляции. Человек благодаря воли способен контролировать свои действия и поступки» [13, с. 353]. В рамках

психологического подхода определение вины дает С.А. Маркунцов, который говорит, что это «состояние лица, когда оно понимает, что у него есть возможность выбора - совершать преступление или нет, но в силу личностных особенностей, субъект преступления не может противостоять желанию совершить преступное деяние» [38, с. 204].

Безусловно, установление личностных особенностей субъекта преступления имеет определенное значение в установлении вины, однако полноценно это возможно установить только при помощи проведения психолого-психиатрической экспертизы. В связи с этим, данный подход более уместен в контексте определения вменяемости субъекта.

С точки зрения социального подхода вина определяется авторами, как негативная оценка совершенного деяния со стороны общества, общественное порицание. К примеру, О.С. Капинус приводит такое определение вины, как «упрек, который может быть высказан обществом и государством достигшему возраста уголовной ответственности и вменяемому лицу, умышленно либо по неосторожности (при предусмотренном последней в УК РФ) совершившему общественно опасное деяние» [31, с. 121]. Похожей позиции придерживается и другой исследователь, определяющий вину, как: «заслуживающий порицания недостаток правосознания, который нашел выражение в совершении соответствующего составу преступления противоправного деяния» [21, с. 41].

Определение вины, данное в рамках социального подхода, имеет свои положительные черты, поскольку установление форм вины является отражением отношения социума к совершенному преступному деянию.

Синтезирующим подходом к определению вины является рассмотрение ее, как «предусмотренной уголовным законом и имеющей психологическую, этическую, юридическую и социальную природу категории, обозначающей обязательный признак субъективной стороны преступления, являющейся необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности и наказанию, выражающей психическое (сознательно-волевое) отношение

субъекта к совершенному им общественно опасному деянию и наступившим в результате этого деяния последствиям, в которых объективируется антисоциальная, асоциальная или недостаточно выраженная социальная установка этого субъекта относительно важнейших ценностей общества, а также обладающая такими условными характеристиками, как: формы (умысел и неосторожность), содержание, степень, сущность и объем» [23, с. 31-32].

Е.В. Юрчак отмечает, что, определяя вину, необходимо указывать ее отличительные черты, такие, как то, что «вина – это психическое (сознательно-волевое) отношение лица к определенным объективным явлениям и к их последствиям, а также осознание субъекта общественной опасности или общественной вредности своих действий и их последствий» [61, с. 40].

Анализируя теоретические положения различных исследователей уголовного права относительно института вины, можно выделить следующие основные аспекты вины в целом:

- «вина – интеллектуальное и волевое отношение субъекта к совершенному, или предполагаемого к совершению деяния;
- вина является одним из элементов содержания состава преступления – субъективной стороны;
- одну из граней вины представляет виновность» [61, с. 40].

«Сторонники определения вины через категорию виновности отмечают, что именно виновность следует рассматривать как психическое отношение субъекта к содеянному, а вину следует рассматривать как более объективное понятие, которое отражает отношение суда к субъекту преступления. Так, если даже лицо не будет считать себя виновным в совершении преступления, но обстоятельства будут указывать на то, что в содеянном виновато именно оно, его следует считать виновным в совершении преступления, независимо от его отношения к происходящему» [61, с. 40].

Таким образом, можно отметить, что различные авторы при определении вины делают акцент на разных сторонах данного явления - на психическом отношении субъекта, на социальном порицании, на градации на

умысел и неосторожность. Такая разрозненность подходов связана с отсутствием законодательного определения вины. Уголовный закон определяет вину через перечисление ее форм - умысла и неосторожности. В свою очередь, умысел подразделяется на простой и косвенный, а неосторожность - на легкомыслие и небрежность.

УК РФ не дает общего понятия умысла, но раскрывает понятия его подвидов – прямого и косвенного умысла. Согласно ст. 25 «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично» [56].

На основании законодательного определения можно выделить следующие признаки прямого и косвенного умыслов. Прямой умысел выражается в трех признаках: в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействий); в предвидении возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий; в желании их наступления.

Косвенный же умысел выражается, во-первых, в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействия); во-вторых, в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий; в-третьих, в нежелании, но сознательном допущении этих последствий, либо безразличном отношении.

Понятие умысла в современной науке трактуется по-разному. Н.С. Таганцев умысел определяет как «направление воли субъекта, при котором данное лицо предвидит общественно-опасные последствия, желает их наступления, и специально совершает действие или бездействие в соответствии с этим желанием» [40, с. 138].

В.В. Набойченко определяет умысел как: «возможность осознания и предвидения преступных последствий, которые будут выступать в качестве следствия совершенного преступления, а также наличие желания их наступления» [41, с. 161]. Другой автор определяет умысел «как форму вины, характеризующуюся преступными целями, способами и результатами действия» [34, с. 295]. А.М. Муромцев определяет умысел «как осознание лицом общественной опасности своего действия» [40, с. 138].

«На практике бывает достаточно сложно отграничить умысел от неосторожности. Проблемным моментом, к примеру, является ограничение таких составов, как простое убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Так, самым сложным моментом ограничения данных составов зачастую является установление отсутствие умысла на лишение жизни потерпевшего. В реальной жизни может иметь место ситуация, когда нападавший сознательно наносил удары, для причинения смерти, но данного умысла ему не удалось достичь по независящим от него обстоятельствам. Однако об умысле совершения убийства он может умалчивать в процессе следствия и судебного разбирательства. В то же время, можно допустить и ситуацию, когда, причиняя тяжкий вред здоровью, лицо не желало наступления смерти потерпевшему, однако, смерть все же наступила» [55, с. 130].

«В практической деятельности для ограничения вышеуказанных составов разработан ряд критериев, таких как локализация телесных повреждений, орудие совершения преступления, сила нанесения удара, количество ударов, прицельность наносимых ударов, поведение виновного после совершения преступления» [55, с. 130].

С точки зрения уголовного закона неосторожное преступление представляет собой виновно совершенное в форме небрежности или легкомыслия общественно опасное запрещенное под угрозой наказания деяние.

При преступном легкомыслии, предполагающем предвидение лицом

возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), лицо самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. При преступной небрежности лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предотвратить эти последствия.

В легкомыслии можно выделить интеллектуальный и волевой аспекты. Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия составляет интеллектуальный элемент легкомыслия, а самонадеянный расчет на их предотвращение - его волевой элемент.

«Однако, что касается установления интеллектуального аспекта легкомыслия, то на практике его достаточно затруднительно установить, поскольку зачастую, он не отражен в объективных обстоятельствах, а находится исключительно внутри субъективного отношения лица, совершившего преступное деяние. Поэтому, наиболее корректно говорить о том, была ли возможность у субъекта преступления предвидеть эти последствия или нет» [19, с. 346].

«На практике легкомыслие чаще всего встречается при нарушении требований безопасности, в частности пожарной. Зачастую, нарушение таких требований приводит к трагедиям. К примеру, достаточно резонансные дела о пожаре в ночном клубе или в торговом центре говорят именно о нарушении требований пожарной безопасности. Во избежание подобных случаев необходимо обеспечение проведения надлежащих проверок. В случае, когда лицо знало, что здание, к примеру, не соответствовало требованиям пожарной безопасности, но рассчитывало, что ничего опасного не произойдет, имеет место как раз легкомыслие» [19, с. 346].

В науке встречаются мнения относительно сходства косвенного умысла и легкомыслия, обоснованные тем, что в обоих случаях «совершенные действия или бездействие направлены на другой результат» [19, с. 346]. «Только при

легкомыслии, субъект преступления не желает наступления опасных последствий, отрицательно относится к ним и рассчитывает на то, что они не наступят, а при косвенном умысле такие последствия могут допускаться, преступнику не важно, какой результат будет в итоге, он вполне допускает наступление того или иного последствия» [19, с. 346].

Отличием легкомыслия от небрежности является предвидение как фактических признаков, так и общественно - опасного характера своих действий/бездействия.

«Важнейшим признаком легкомыслия, отделяющим его от умысла, является расчет. Субъект рассчитывает на то, что те или иные обстоятельства, которые приведут к преступлению, не наступят. Косвенный умысел же допускает наступление этих обстоятельств. К примеру, в случае, когда имеет место специальный поджог, повлекший вред здоровью или гибель потерпевших, имеет место косвенный умысел по отношению к последствиям. А, если пожар произошел по причине того, что лицо знало о неисправности электропроводки, но рассчитывало, что ничего не случится, а произошел пожар и погибли люди, то в данном случае будет иметь место легкомыслie. Однако для установления легкомыслия, необходим будет установление того факта, что лицо достоверно знало о возможных последствиях. Если, к примеру, лицо ответственное за пожарную безопасность, расписывалось в соответствующих документах, подтверждая, эту безопасность, то установить легкомыслie не составит труда. В противном случае, доказать то, что лицо знало о неисправности электропроводки, к примеру, будет очень сложно» [19, с. 346].

Примером легкомыслия может быть случай нарушения правил гигиены, приведший к распространению массовой кишечной инфекции [48; с. 7].

Что касается небрежности, то ее «особенностью является непредвиденное опасных последствий. Лицо как бы пренебрегает, к примеру, установленными требованиями, не думает о возможных последствиях, однако при проявлении внимательности, оно могло бы о данных последствиях подумать» [61, с.48].

«В одном и том же преступлении может встречаться и умысел, и неосторожность. К примеру, субъективной стороной преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, является прямой умысел по отношению к деянию и неосторожность по отношению к последствиям. Лицо осознает, что нарушает правила, желает совершить эти действия, предвидит наступление общественно опасных последствий, но самонадеянно рассчитывает на их предотвращение либо не предвидит, но должно было и могло предвидеть такие последствия» [61, с. 48].

Таким образом, неосторожная форма вины в уголовном законе представлена в виде легкомыслия и небрежности. Отличием легкомыслия от небрежности является предвидение как фактических признаков, так и общественно - опасного характера своих действий/бездействия. При легкомыслии лицо, как правило, предвидит последствия, а при небрежности - нет, хотя и должно. Думается, что легкомыслie является более общественно- опасным, чем небрежность, поскольку лицо сознательно совершает действия, направленные на нарушение, к примеру, норм безопасности. При небрежности же, лицо невнимательно, непредусмотрительно относится к возможным последствиям. В целом, градация неосторожности на легкомыслие и небрежность является достаточно условным моментом. При квалификации преступления. чаще всего имеет место установление умышленной или неосторожной вины.

2.2 Мотив и цель как факультативные признаки субъективной стороны

А.А. Зотова указывает, что «мотив является элементом субъективной стороны состава преступления и выделяет желание как обязательный компонент действий правонарушителя, который находит свое отражение в определенной формулировке достигаемого результата» [30, с. 23].

Другой автор определяет мотив преступления, как «обусловленные определенными потребностями внутренние побуждения к достижению конкретного результата, вызывающие у лица решимость совершить преступление» [29, с. 36].

М.А. Попова рассматривает мотив, как «побудительный стимул, источник активности человека» [45, с. 136].

К.Р. Колчакова определяет мотив, как «движущую силу, которая побуждает человека к совершению определенных действий. Он может возникнуть в результате внутренних и внешних факторов и связан с потребностями, ценностями и интересами человека» [33, с. 204].

А.И. Плотников отмечает, что «в некоторых работах современных авторов обоснованно обращается на связь мотива с системой ценности личности. Мотив представляет собою внутреннюю психическую характеристику конкретного лица, индивидуума с собственной системой ценностей, собственным характером, историей жизни и психическим состоянием» [44, с. 158].

И..Н. Архипцев и М.С. Коцюбас отмечают, что мотивы складываются из нескольких элементов. Изначально у лица формируется определенная потребность - самореализация, безопасность, потребность в пище, «низшие» потребности и другие. Далее к одной из потребностей присоединяется побуждающая сила, осознание лицом данной потребности и того, что она может быть удовлетворена посредством совершения преступления, включается механизм преодоления ценностных установок субъекта [14, с. 40].

Т.М. Сидакова также указывает на то, что «мотив формируется на основании тех ил иных потребностей субъекта преступления» [52, с. 73]. Установление мотива позволяет уяснить, какими идеями руководствовался субъект, какие обстоятельства повлияли на его преступный выбор, какую цель он преследовал [52, с. 73].

Уголовный закон не дает определению мотиву преступления, однако выделяет следующие виды мотивов:

- мотив сострадания (смягчающее обстоятельство – ст. 61 УК РФ);
- «мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (отягчающее обстоятельство ст. 63 УК РФ);
- месть (отягчающее обстоятельство – ст. 163 УК РФ, основной состав – ст. 277, 295, 317, 321);
- кровная месть (квалифицирующее обстоятельство ст. 105, УК РФ);
- корысть (квалифицирующее обстоятельство ст. 105, 126, 206, 207.3, 280.4 УК РФ, основной состав – ст. 145.1, 153, 154, 180);
- хулиганский мотив (квалифицирующее обстоятельство ст. 105, 111, 112, 115 УК РФ);
- достижение лицом предпенсионного возраста (основной состав ст. 144 УК РФ);
- беременность (основной состав ст. 145 УК РФ).

Все вышеуказанные мотивы можно условно подразделить на четыре группы – те, которые относятся к общим смягчающим обстоятельствам; относящиеся к общим отягчающим обстоятельствам; составляющие основной состав преступления и относящиеся к квалифицирующим обстоятельствам составов, закрепленных в особенной части уголовного закона. Исследователями выделяются функции, которые выполняет мотив при установлении субъективной стороны:

- «составообразующая функция, заключающаяся в образовании основного, квалифицированного либо привилегированного состава преступления;
- функция, влияющая на назначение уголовного наказания;
- функция, оказывающая влияние на исполнение уголовных наказаний (она позволяет дифференцировать и индивидуализировать процесс исполнения уголовного наказания для каждого человека, нарушившего закон)» [30, с. 23].

Авторы указывают, что мотив и цель являются «взаимосвязанными элементами, благодаря которым возможно точное определение того, зачем и ради чего лицо совершило то или иное общественно опасное деяние» [30, с. 25].

Мотив и цель взаимосвязаны и обуславливают друг друга, поскольку мотив выступает в качестве причины, по которой совершается преступление, а цель - в качестве средства достижения желаемого результата. К примеру, для получения материальной выгоды лицу необходимо совершить убийство. В данном случае будет иметь место корыстный мотив, а целью будет наступление смерти.

М.А. Попова определяет цель, как «представление человека о желаемом результате, к которому он стремится, совершая преступление» [45, с. 136].

А.М. Плотников обозначает цель преступления, как «преступный результат, который является предметом желания и к которому лицо сознательно стремится» [44, с. 158].

Очень важным является уточнение, данное Ю.М. Антоняном относительно того, что цель преступления – это не его конченый результат, а именно представление субъекта о том, каким должен быть этот результат [36, с. 11].

Другой автор определяет цель преступления, как «существенные, конкретизированные черты осознанного мысленного образа будущего желаемого результата, который определяет характер и системную упорядоченность различных актов и операций преступного действия (бездействия)» [36, с. 11].

Встречаются мнения авторов, согласно которым «следует разделять цель определенного преступления, цель преступного деяния и цель преступного поведения» [36, с. 11]. «Цель преступного поведения определяет преступное поведение субъекта; цель преступления в данном случае рассматривается, как цель конкретного преступления, закрепленного в УК РФ;

а цель преступного деяния выражается в том, на что была направлена деятельность субъекта преступления» [36, с. 11].

Л.Ю. Ларина по данному поводу отмечает, что данная триада «позволяет не только установить обстоятельства конкретного преступления, но и объяснить причины преступного поведения. Такая триада цели преступления способна помочь объяснить поведение человека, в том числе разложить его на отдельные этапы с момента возникновения умысла до завершения его реализации» [36, с. 11].

Исследователями отмечается, что цель выступает в качестве индикатора уровня общественной опасности преступления [36, с. 10]. Чем более жестокой и низменной является цель – тем выше степень общественной опасности.

На основании анализа положений УК РФ можно отметить, что цель, не всегда является вредоносной, она может быть и общественно полезной, в случае с обоснованным риском. Для того, чтобы деяние квалифицировать, как обоснованный риск и исключить его преступность, необходимо установить наличие общественно полезной цели.

Что же касается цели, как элемента преступного деяния, то УК РФ выделяет следующие преступные цели:

- сокрытие иного преступления или облегчение его совершения (общее отягчающее обстоятельство ст. 63 УК РФ, квалифицирующее обстоятельство – ст. 105 УК РФ);
- «пропаганда, оправдание и поддержка диверсии» [56] (общее отягчающее обстоятельство – ст. 63 УК РФ);
- «использование органов или тканей потерпевшего» (квалифицирующее обстоятельство ст. ст. 105, 127.1 УК РФ);
- «эксплуатация, вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение» (основной состав ст. 127.1 УК РФ);
- «влияние на решение избирательной комиссии или комиссии референдума» [56] (ст. 141 УК РФ – особо квалифицированный состав);

- достижение определенного результата на выборах (ст. 141.1 УК РФ – основной состав);
- предоставление возможности проголосовать вместо избирателей (ст. 142.2 УК РФ – основной состав);
- сбыт (квалифицированный состав ст. 146 УК РФ, основной состав – ст. 171.1, ст. ст. 185.6, 187, 191, 191.1 УК РФ);
- оскорбление религиозных чувств (ст. 148 УК РФ – основной состав);
- корысть (158 УК РФ – основной состав);
- хищение (ст. 162 УК РФ – основной состав);
- получение имущества (ст. 163 УК РФ – особо квалифицированный состав);
- придание правомерного вида (ст. 174 УК РФ – основной состав);
- извлечение выгод (ст. ст. 201, 201.1, 201.3 УК РФ – основной состав);
- «дестабилизации деятельности органов власти», «воздействие на принятие решений органами власти» (ст. 205 УК РФ – основной состав,
- иные цели [56].

Е.А. Гиль относительно классификации целей преступления полагает, что в качестве основания необходимо брать тот вид общественных отношений, на которых посягает лицо, совершающее преступное деяние, к примеру, «цели, в рамках достижения которых осуществляются действия, направленные против интересов государства, собственности, политических, трудовых прав и свобод граждан» [25, с. 95].

Необходимо обратить внимание на то, что законодатель, в одном случае корысть указывает, как мотив, а в другом – как цель. В частности, в качестве примечания к ст. 158 указывается, что «под хищением в статьях настоящего Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [56]. Относительно данного примера необходимо

отметить, что относительно хищений, корысть целесообразнее рассматривать в качестве мотива, но не цели. В качестве цели правильнее рассматривать конечный результат преступления – завладение чужим имуществом.

Е.К. Борисова по данному поводу отмечает, что «замена цели мотивом при толковании закона приводит к «декриминализации» деяний. Ведь если есть корыстный мотив, то обязательно присутствует и корыстная цель. Обратное, вообще говоря, неверно. Если лицо преследует корыстную цель, то это еще не значит, что оно действует из корыстных побуждений» [17, с. 78].

На смешивание целей и мотивов со стороны законодателя обращают внимание и исследователи. А.И. Плотников указывает, что «современный законодатель не проводит сколько-нибудь четкой грани между признаками мотива и цели, смешивая или подменяя один другим» [44, с. 159]. Судебная практика также упоминает мотив и цель в качестве тождественны элементов. Так, Постановление Пленума Верховного суда № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» закрепляет, что «похищение человека квалифицируется из корыстных побуждений, если оно совершено в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц» [46].

Ввиду того, что мотив является сложным для установления, психологической категорией и, в основном, сосредотачивается в сознании субъекта, авторы предлагают вовсе отказаться от категории мотива преступления и сосредоточиться на цели. А.И. Плотников отмечает, что «для уяснения субъективной стороны преступления, именно как юридического признака, вполне достаточно констатации осознанности деяния и его целей. Однако последние должны быть целями в подлинном смысле, то есть быть конкретизированными и не представляться в виде расплывчатых, обтекаемых терминов. Признак цели в уголовном праве характеризуется всегда более-менее конкретно, чего не скажешь о мотиве, выражаемом всегда абстрактно и не вполне определенно» [44, с. 161].

С данным утверждением нельзя согласиться, поскольку мотивы, несмотря на сложность установления имеют решающее значение в квалификации ряда преступлений, в частности, таких, как хулиганство, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение, посягательство на жизнь государственного деятеля и других. Кроме того, мотив является тем обстоятельством, которое подлежит доказыванию, согласно УПК РФ [57].

Кроме того, в судебной практике отсутствие доказательств необходимого мотива по ряду преступлений выступает в качестве основания возвращения уголовного дела на доследование. Так, по одному из таких дел, обвиняемый в совершении похищения человека группой лиц, подал апелляцию, которая обосновывала некорректность предъявленного обвинения ввиду отсутствия указания и доказанности мотива преступления. Государственный обвинитель указывал, что «мотив как обязательный признак данного преступления подлежит обязательному доказыванию в случае совершения преступления из корыстных побуждений, а поскольку сведения о корыстном мотиве совершения преступления в деле отсутствуют, то установление мотива к обязательным обстоятельствам, подлежащим доказыванию, не относится» [6]. Однако суд с данными доводами не согласился и указал, что мотив должен был в обязательном порядке установлен органами следствия и указан в обвинительном заключении. Дело было отправлено на доследование [6].

В рамках другого примера из судебной практики по обвинению «в совершении создания преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения нескольких тяжких преступлений» сторона защиты указала на то, что в обвинительном заключении отсутствует доказанность мотива – не указывается, в чем именно выражался мотив обвиняемого [8]. Данное обстоятельство было признано судом в качестве одного из оснований возвращения дела прокурору [8].

Таким образом, можно отметить, что мотив и цель, как элементы субъективной стороны, имеют важное значение. Однако уголовный закон не дает им определения, хотя и упоминает их в отдельных статьях общей и особенной частей. Мотив и цель преступления в УК РФ встречаются в качестве отягчающих обстоятельств Общей части; в качестве элементов основного состава преступления Особенной части и в качестве квалифицирующих обстоятельств преступлений, закрепленных в Особенной части уголовного закона. Мотив сострадания также выступает в качестве смягчающего обстоятельства, закрепленного в Общей части УК РФ.

В современной научной доктрине мотив определяется, как внутреннее побуждение к достижению цели преступления; как побудительный стимул; как движущую силу. Некоторые авторы отмечают, что мотив следует рассматривать, как совокупность потребности субъекта, осознания данной потребности, побуждающей силы и активации механизма преодоления ценностных установок субъекта.

Цель преступления в современной доктрине, преимущественно, определяется, как представление субъекта о желаемом результате либо как преступный результат. Думается, что более правильно рассматривать цель преступления, именно, как представление субъекта о желаемом результате.

Мотив и цель взаимосвязаны и обуславливают друг друга, мотив выступает в качестве причины, по которой совершается преступление, а цель – в качестве средства достижения желаемого результата.

Ввиду того, что мотив является сложной для установления категорией, авторы предлагают отказаться от категории мотива преступления и сосредоточиться на цели. С данным утверждением нельзя согласиться, поскольку мотивы, несмотря на сложность установления имеют решающее значение в квалификации ряда преступлений, в частности, таких, как хулиганство, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение, посягательство на жизнь государственного деятеля и других.

Глава 3 Проблемы субъективной стороны как элемента состава преступления в уголовном праве России

3.1 Проблемы установления субъективной стороны как одного из обязательных элементов состава преступления

Проблемы установления субъективной стороны затрудняют надлежащую квалификацию деяния, что говорит о значимости их выявления и исследования. Одной из серьезных проблем является ограничение умысла от неосторожности. Как известно, уголовный закон содержит множество смежных деяний, ограничение которых осуществляется, прежде всего, по субъективной стороне. Однако, как указывают современные исследователи, на сегодняшний день отсутствуют четкие критерии установления элементов субъективной стороны [16, с. 263].

Рассмотрим следующий пример смежных деяний, которые имеют различия в субъективной стороне, в частности в направленности умысла, но могут быть идентичны в остальных элементах состава. Убийство представляет собой «умышленное причинение смерти» [56]. Причинение смерти по неосторожности выражается в тех же последствиях, что и убийство, однако сопряжено с отсутствием умысла у субъекта, направленного на причинение смерти. «Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего также в качестве итога подразумевает гибель потерпевшего, однако умысел на причинение смерти здесь также отсутствует. Каких-либо точных законодательно закрепленных критериев, позволяющих говорить о том, что в одном случае умысел был направлен на причинение смерти, а в другом – на причинение вреда здоровью или умысел вовсе отсутствовал – нет» [16, с. 263].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывает на разную направленность умысла убийства и причинения вреда здоровью, повлекшего

смерть, отмечает, что «при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» [47].

Однако указанные обстоятельства не всегда могут давать однозначную картину направленности умысла. Субъект не всегда может быть осведомлен о расположении жизненно важных органов. А оказание первой помощи и доставление потерпевшего в больницу не всегда рассматриваются судами, как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии умысла на убийство. Так по одному из уголовных дел действия М. были квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Однако М. с данной квалификацией был не согласен, заявил кассационную жалобу, в которой указал на отсутствие у него умысла на убийство. В подтверждение своей позиции М. сослался на то, что им была оказана первая помощь потерпевшему. Однако суд указал, что оказание первой помощи не свидетельствует об отсутствии умысла, направленного на причинение смерти. Кроме того, суд указал, что М. использовал холодное оружие, нанес три удара в область груди, что говорит о правильной квалификации содеянного по ч. 1 ст. 105 УК РФ, оснований для переквалификации суд не усматривает [43].

В рамках другого дела оказание помощи потерпевшей, которая выражалась в доставлении ее в больницу субъектом преступления, было рассмотрено судом как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии у нападавшего умысла на причинение смерти. Согласно обстоятельствам данного дела, субъект преступления нанес несколько ударов кулаком по голове потерпевшей, после чего она упала и ударилась головой об пол. Установить, что именно повлекло травмы, несовместимые с жизнью экспертизе не удалось, в заключении было указано, что это могли быть, как удары самого субъекта преступления, так и удар при падении об пол. Однако

суд квалифицировал действия субъекта преступления, как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего [32].

Как видно, в обоих рассмотренных примерах судебной практики имело место нанесение ударов по жизненно важным органам, оказание помощи потерпевшему, последствие в виде смерти последнего, высказывалась позиция обвиняемого относительно отсутствия умысла на убийство. Однако в одном случае, суд указал на наличие умысла на убийство, а в другом обосновал его отсутствие.

Разграничение таких составов, как убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, и убийство, совершенное по мотиву сострадания больного лица, находящегося в состоянии беспомощности, также различаются по субъективной стороне. Эти два убийства могут быть схожи во внешнем проявлении, однако совершенно разными по мотиву и цели. Общественная опасность данных деяний также будет различной. Убийство по мотиву сострадания, подразумевает просьбу потерпевшего, которая может быть высказана вследствие наличия у потерпевшего неизлечимой болезни, сопровождающейся невыносимыми страданиями, однако установление наличия такой просьбы зачастую невозможно, как и установление мотива сострадания, а не корыстного интереса, к примеру.

Проблемы установления цели и мотива могут возникать при ограничении убийства, которое было совершено общеопасным способом от «умышленного уничтожения имущества, совершенного из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека» [56]. И направленность умысла, и цель данных деяний будут различны. В первом случае общеопасный способ будет использоваться как средство достижения цели – причинения смерти, а во втором смерть человека будет случайностью. Установление того, желал ли субъект причинения смерти или причинения порчи имущества

зачастую является достаточно трудным для установления, однако необходимо для правильной квалификации.

Рассмотрим пример из судебной практики, где суд квалифицировал действия обвиняемого, как убийство, совершенное общеопасным способом, хотя сам обвиняемый утверждал, что умысла на убийство у него не было. Гражданин Е., испытывая к потерпевшей личную неприязнь, облил бензином пол в подъезде около выхода из квартиры потерпевшей и поджог его. В квартире на тот момент находилась сама потерпевшая. В результате полученных ожогов и отравления продуктами горения, потерпевшая скончалась. Е. утверждал, что умысла на убийства он не имел, хотел просто напугать потерпевшую, полагал, что она сможет самостоятельно потушить возгорание, не предполагал, что пожар приобретет такие масштабы. Также Е. отмечал, что при правильных действиях потерпевшей, пожар мог бы быть легко потушен и не повлек бы таких последствий. Однако суд принял во внимание показание свидетелей, которые слышали, что ранее Е. высказывал угрозы в адрес потерпевшей и счел это обстоятельство достаточным для того, чтобы квалифицировать действия Е. как убийство [3]. Как видно, в данном примере направленность умысла, цель и мотив были сосредоточены в субъективной плоскости обвиняемого. Мотив был обозначен в приговоре, как личные неприязненные отношения [3].

Одной из проблем установления субъективной стороны преступления является необходимость установления мотива, который выражен в субъективных, оценочных критериях. К примеру, такой мотив, как иную личную заинтересованность в определенных случаях, может быть очень затруднительно установить. В свою очередь, для преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, мотив является обязательным элементом состава. Под личной заинтересованностью понимается выгода неимущественного характера.

Рассмотрим пример из судебной практики: у должностного лица - руководителя организации по электроснабжению, находился в подчинении

определенный штат сотрудников. К нему обратилось лицо, осуществляющее полномочия по организации капитального ремонта в одном из учреждений, с просьбой о выделении ему в помощь людей для производства ремонтных работ. К. согласился предоставить подчиненных для обозначенных целей за определенную сумму денег. Суд квалифицировал действия К. по ч. 1 ст. 285 УК РФ, обосновав это тем, что указанное лицо умышленно и сознательно использовало свое должностное положение в корыстных целях – для личного обогащения, подрывая этим авторитет руководителя в глазах подчиненных. Наказание К. было назначено в виде штрафа [49]. Как видно, в данном деле корыстная заинтересованность выражалась в получении денежного вознаграждения.

Анализ судебной практики показывает, что иная личная заинтересованность может выражаться в наличии дружеских связей или близкого знакомства, желанием должностного лица повысить показатель раскрываемости преступлений.

Так, согласно материалам одного из дел сотрудником правоохранительных органов было прекращено предварительное следствие по уголовному делу. В качестве основания прекращения было указано отсутствие состава преступления. Однако, было установлено, что реальным основанием прекращения являлось желание следователя помочь подозреваемому, с которым он состоял в дружеских отношениях [51]. Как видно, здесь имела место «иная личная заинтересованность» [51].

В другом примере из судебной практики, суд отметил, что иная личная заинтересованность заключается «в повышении показателя раскрываемости преступлений по определенному направлению» [5].

В обоих случаях мотив, который выражался в личной заинтересованности, удалось установить на основании показаний свидетелей. Однако, в случае отсутствия свидетелей, мотив было бы установить проблематично, поскольку зачастую он сосредоточен в субъективной плоскости. К примеру, по другому делу, вина подсудимого не была

установлена в виду недоказанности мотива личной заинтересованности, который основывался на предположении [9].

Сложность установления субъективной стороны зачастую имеет место при необходимости установления цели преступления. Цель для ряда составов является обстоятельством, позволяющим ограничить их от смежных деяний. Так, главным отличием диверсии от террористического акта является цель совершения преступления. Для диверсии – это подрыв экономической безопасности государства, нарушение его обороноспособности, а не дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций и не воздействие на них в целях принятия каких – то решений как при террористическом акте.

«Установление одной из вышеуказанных целей следует основывать на том, было ли предъявлено какое-либо требование со стороны преступников или нет. Если данное требование имело место и было направлено на воздействие на принятие решения органами власти или международными организациями, то в данном случае однозначно следует квалифицировать деяние как террористический акт» [15, с. 40]. Если же требование не было высказано, то установление такой цели может быть весьма затруднительным. На практике может иметь место ситуация, когда был совершен взрыв предприятия, однако никаких требований высказано не было. В данном случае цель совершения преступления будет находиться в субъективной плоскости.

Сложность в установлении субъективной стороны также имеет место, когда необходимо установить наличие или отсутствие такой цели преступления, как сбыт. Ст. 228 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за «незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» [56]. Все обозначенные действия при этом совершаются без цели

сбыта. Для состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ – «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» цель сбыта является обязательным элементом субъективной стороны. Таким образом, для квалификации совершенных действий в соответствии с со статьей 228 УК РФ, необходимо определить, что совершенные преступные действия не имели под собой цели сбыта, а для квалификации деяния по ст. 228.1 УК РФ - необходимо установить наличие цели сбыта [56].

Об отсутствии цели сбыта можно говорить, когда субъект приобретал то или иное наркотическое средство или психотропное вещество для личного использования, не имея при этом намерения передать кому-либо данные средства. Об отсутствии цели сбыта могут говорить такие внешние признаки, как небольшое количество обнаруженного вещества, хранение средства в личных вещах.

На практике могут встречаться затруднения, связанные с обязательным наличием у лица такого осознания. Поскольку зачастую достаточно сложно установить, действительно ли лицо знало об отнесении того или иного вещества к разряду наркотических. В большей степени это касается лекарственных препаратов, содержащих наркотические или психотропные вещества.

К косвенным признакам отсутствия у субъекта умысла сбыта можно отнести, к примеру, присутствие на месте обыска или у данного лица при себе шприцев, открытых упаковок с таблетками, открытых ампул, каких-либо средств для самостоятельного введения лекарств, а также наличие у такого лица наркозависимости. Однако, употребление лицом наркотических средств не исключает возможности продажи им наркотических средств или психотропных веществ.

Исследуя проблемы установления субъективной стороны необходимо остановиться на особой сложности установления дискриминационных мотивов, которые отражены в ст. 144.1 УК РФ и ст. 145 УК РФ. Для квалификации деяний по указанным статьям наличие мотива является обязательным. В современной доктрине отмечают, что данные статьи практически не работают ввиду сложности установления и доказуемости мотивов. «Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ и отдельных исследователей, ссылающихся на данные Верховного Суда РФ, за совершение преступлений, предусмотренных статьей 144.1 УК РФ, с момента введения ее в действие – с 14 октября 2018 г. и по 2021 г. – не осужден ни один человек, а по ст. 145 УК РФ с 1997 г. и по 2022 г., то есть за 25 лет ее действия, осуждено всего 32 человека» [26, с. 107]. Действительно, установить, что работодатель руководствовался именно указанными мотивами, а не иными, крайне сложно, что и обуславливает отсутствие судебной практики по данным делам.

Таким образом, можно отметить, что установление субъективной стороны сопряжено с рядом проблем, которые обусловлены отсутствием точно сформированных объективных критериев определения формы вины, целей и мотивов. В свою очередь, обстоятельства деяния не всегда могут формировать правильную картину относительно направленности умысла, целей или мотивов. Установление субъективной стороны также усложняется содержанием оценочных понятий, характеризующих ее элементы, в уголовно-правовых нормах. Особую сложность представляет установление таких мотивов, как личная заинтересованность, личная неприязнь, дискриминационные мотивы. Анализ судебной практики говорит о том, что субъективная сторона, зачастую определяется по усмотрению органов следствия и суда. В аналогичных делах в одном случае деяние квалифицируется, как совершенное в форме умысла, а в другом - как совершенное по неосторожности [4]; [7].

3.2 Ошибки, допускаемые при определении субъективной стороны преступных посягательств

В современной научной мысли отмечается, что определение субъективной стороны на практике может быть сопряжено с рядом ошибок. Исследователями квалификационные ошибки в отношении субъективной сгруппированы следующим образом:

- «некорректное определение формы вины или не указание формы вины в приговоре;
- некорректное установление мотивов и целей либо не указание таковых в случаях, когда их определение необходимо;
- несоответствие между указанными в приговоре видами умысла и неосторожности и описанием их интеллектуального и волевого элементов;
- ошибки, связанные с указанием в приговоре конкретных видов умысла либо неосторожности, которые в силу закона не могут применяться по отношению к данному виду или стадии совершения преступного деяния;
- ошибки, связанные с неучётом того факта, что период, длищийся с момента возникновения и до момента окончания субъективной стороны преступления во времени не всегда совпадает, а часто и превышает период совершения соответствующего общественно-опасного деяния» [16, с. 264].

Рассмотрим примеры из судебной практики, подтверждающие наличие ошибок в определении субъективной стороны. Как было обозначено, одной из таких ошибок является некорректное указание формы вины. В рамках одного из дел, обвиняемый У. в ходе произошедшей ссоры с потерпевшей, находясь в своей квартире, замахнулся на нее рукой, она, попятившись назад ударила спиной о балконную дверь и упала, получив травмы в виде ушибов и перелома коленного сустава, что является тяжким вредом здоровью. В заключении

экспертизы было указано, что полученные травмы могли быть получены от резкого толчка в грудную клетку посторонним лицом, в результате которого произошло неправильный изгиб ноги в колене, которое повлекло перелом и дальнейшее падение. Суд указал в приговоре следующее: «подсудимым были совершены умышленные преступные действия, законом отнесенные к категории преступлений небольшой тяжести» [10]. Адвокат в апелляционной жалобе указал на неправильную форму вины, поскольку имела место неосторожность, а не умысел. Суд апелляционной инстанции постановил внести изменение в приговор и инкриминировать действия подсудимого У., как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности [10].

В рамках другого дела, судом не была указана форма вины, мотивы и цели преступного деяния. По данному делу обвинение было предъявлено по факту хищения из магазина одиннадцати банок тушеники, которую подсудимый положил в свой рюкзак и вынес из магазина, затем данную продукцию он продал прохожим. Пропажа указанных товаров была обнаружена директором магазина, который заметив недостачу стал просматривать камеры наблюдения и выявил факт хищения. На видео было видно, что в 17 часов 23 минуты мужчина в кепке и темной одежде зашел в магазин, подошел к витрине с тушеникой, сложил несколько банок себе в рюкзак и вышел из магазина, минуя кассы для оплаты покупок. С данными записями с камер директор магазина обратился в органы полиции. Далее сотрудниками полиции, предоставленные директором магазина данные видеонаблюдения, были загружены в систему по распознаванию лиц, которая идентифицировала запечатленного человека как Бочарова И.С. Сотрудник полиции прибыл по адресу прописки указанного лица, показал ему снимки с изображением того, как он укладывает банки с тушеникой в свой рюкзак и предложил ему написать явку с повинной, с чем Бочаров согласился. Однако в суде Бочаров свою вину отрицал, сказал, что признаться его вынудил дознаватель, что на видеозаписи на самом деле не он, и такой одежды он не имеет. Суд первой инстанции квалифицировал данное деяние, как «мелкое

хищение лицом, ранее подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ)» [11]. Однако при изложении обвинения в приговоре, суд не указал форму вины, мотивы и цели деяния, что послужило одним из оснований заявления апелляционной жалобы адвокатом подсудимого. Государственный обвинитель также отметил, что судом не было указано на умышленно совершенное деяние, которое было совершено с целью личной наживы при наличии корыстного мотива. Суд апелляционной инстанции постановил изменить приговор и дополнить его указанием на умышленную вину, корыстный мотив и цель личной наживы [11].

Согласно материалам другого уголовного дела, судом также не была указана форма вины и цель преступления. По данному делу лицо обвинялось в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ – «умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, из хулиганских побуждений, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия» [56]. Как видно, для квалификации деяния по указанной статье необходимо наличие именно умышленной формы вины, сопряженной с одним из обозначенных мотивов. Если не будет установлена умышленная форма вины, то деяние нельзя будет квалифицировать по ст. 167, а если не будет установлено наличие одного из указанных мотивов, то деяние не подлежит квалификации по части второй данной статьи.

Из обстоятельств, изложенных в приговоре следует, что обвиняемый поджег два автомобиля, каждый из которых принадлежал одному и второму потерпевшим. В своих действиях обвиняемый руководствовался личной неприязнью к потерпевшей, которая возникла у него после ссоры с последней в магазине. Он проследил за потерпевшей и узнал, где она живет и где паркует свой автомобиль. Действуя в рамках своего преступного умысла, обвиняемый

прибыл к месту, где стоял автомобиль потерпевшей, убедившись, что вокруг нет людей, он облил автомобиль бензином и бросил на него зажженную спичку, затем скрылся. В результате сильного возгорания был уничтожен не только этот автомобиль, но и стоявший рядом, поскольку пламя перекинулось на него тоже. В результате, оба автомобили были уничтожены пожаром. Суд первой инстанции не указал форму вины совершенного деяния, а также мотив, который имеет значение для квалификации. Суд указал на то, что обвиняемым была совершена порча чужого имущества общеопасным способом – путем поджога в целях причинения имущественного ущерба. Однако ни одного из обозначенных в диспозиции ст. 167 УК РФ мотивов судом указано не было, что является ошибкой. Эти обстоятельства были указаны в апелляционной жалобе, приговор суда первой инстанции был отменен Самарским областным судом [50].

Анализ судебной практики также подтверждает, что судами делаются ошибки при указании мотива преступления. По одному из дел по обвинению в поджоге автомобиля потерпевшего, суд первой инстанции указал, что подсудимый действовал из личной неприязни, поскольку владелец автомобиля не уступил ему дорогу как пешеходу. Однако в апелляционной жалобе было обозначено, что данный поджог был совершен по найму, то есть мотив самого поджигателя являлся корыстным, личной неприязни непосредственно у него самого к потерпевшему не было. Это, по мнению, защитника является основанием для отмены приговора суда первой инстанции [12].

Анализ следующего уголовного дела также говорит об ошибке суда в установлении субъективной стороны по части не указания мотива преступления. Согласно материалам данного дела, генеральный директор компании, которая занималась поставкой промышленного оборудования, и его заместитель находились в дружеских отношениях и вступили в преступный сговор. Предметом сговора было при получении государственного заказа на перевооружение и реконструкцию специального

корпуса, получить от генерального подрядчика дополнительные денежные средства путем заключения нескольких дополнительных договоров с указанием завышенной стоимости работ. Далее сообщниками успешно был реализован их план. Работы выполнялись по завышенной стоимости, а разницу в стоимости они присваивали себе. Суд квалифицировал действия указанных лиц, как мошенничество, однако мотивы данных лиц не были указаны судом, о чем было заявлено в апелляционной жалобе. Защитником было указано следующее: «в приговоре не приведены мотивы корыстной или иной личной заинтересованности, не отражена субъективная сторона преступления» [8].

Типичной ошибкой в определении субъективной стороны исследователи также называют неправильное определение мотивов при соучастии. Авторы отмечают, что мотивы соучастников преступления вполне могут не совпадать, и суд обязан устанавливать мотив каждого из них, однако данное требование зачастую игнорируется судами. В.В. Макаров приводит следующий пример из судебной практики. Судом было рассмотрено дело о причинении «умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, группой лиц по предварительному сговору из хулиганских побуждений» [37, с. 39]. Вред здоровью был причинен в результате избиения потерпевшего из-за ранее произошедшего конфликта его с обвиняемым. В результате данного конфликта между потерпевшим и подсудимым сложилась неприязнь друг к другу, желая отомстить, подсудимый уговорил своего друга вместе избить потерпевшего. Друг подсудимого, в свою очередь позвал для избиения еще своих знакомых. Суд же квалифицировал мотив, как хулиганские побуждения, однако в данном случае подсудимый руководствовался личной неприязнью и чувством мести. Хулиганские мотивы предполагают противопоставление себя обществу, нарушение общественного порядка, демонстрацию пренебрежительного отношения к устоям и порядкам. М, если хулиганскими мотивами руководствовались иные участники избиения, то сам подсудимый

руководствовался мотивом мести. Апелляционная инстанция исключила из приговора указание на хулиганский мотив преступления. Кроме того, судом неправильно было сформулировано указание на наличие такого квалифицирующего обстоятельства, как причинение потерпевшему особых страданий и издевательство над ним. Как указала апелляционная инстанция, чтобы квалифицировать деяние по данному квалифицирующему признаку, субъект преступления должен осознавать, что его действия причиняют потерпевшему такие страдания и что его действия являются издевательскими. Однако сам подсудимый таких действий не совершал и не имел умысла на это. Издевательскими были действия остальных участников группы, но умыслом самого подсудимого они не охватывались [37, с. 39].

Следующий вид ошибок, которые встречаются в судебной практике, является не соответствие между «указанными в приговоре видами умысла и неосторожности и описанием их интеллектуального и волевого элементов» [37, с. 40]. Так, по одному из дел, суд указал, что подсудимый, имел прямой умысел на совершение убийства, однако при описании элементов умысла суд отметил, что подсудимый «мог и обязан был предвидеть наступление от его действий преступных последствий, но состояние опьянения мешало ему конкретизировать как свои действия при совершении преступления, так и последствия содеянного» [37, с. 40]. Иными словами, суд описал неосторожность, а указал на прямой умысел. Данное обстоятельство послужило основанием для дальнейшей отмены приговора [37, с. 40].

Таким образом, в современной научной доктрине отмечается, что достаточно распространены ошибки при установлении субъективной стороны. Это подтверждается анализом судебной практики.

Наиболее часто встречающимися ошибками в установлении субъективной стороны можно назвать не указание или неверное указание формы вины, целей и мотивов преступления судом. Кроме того, встречаются такие ошибки, как указание общего мотива для всех соучастников при том, что они отличаются для некоторых из соучастников. Также встречаются ошибки,

выраженные в несоответствии описания интеллектуального и волевого элементов установленной форме вины и ошибки указания судом видов умысла либо неосторожности, которые не могут иметь место на данной стадии преступления.

Выявленные многочисленные ошибки в установлении субъективной стороны преступления говорят не только о необходимости подробного исследования данного элемента состава преступного деяния, но и обуславливают важность реформирования правовой регламентации субъективной стороны и ее составляющих, установление подробных, четких критериев их определения.

Значение субъективной стороны преступления невозможно переоценить. Она выступает центральным элементом, связывающим объективно совершенное деяние с внутренним миром человека. Без её установления невозможно ни привлечь к ответственности, ни правильно квалифицировать содеянное, ни назначить справедливое наказание. Именно субъективная сторона превращает простое причинение вреда в уголовно наказуемое деяние, обеспечивая тем самым реализацию основополагающего принципа виновной ответственности и защищая права человека от произвола.

Заключение

Большинство современных исследователей определяют субъективную сторону преступления, как психическую деятельность лица, связанную с совершением им преступления. С данным подходом сложно согласиться, поскольку оно недостаточно точное, размытое, не отражающее особенностей исследуемого понятия, не указывающее, в чем именно выражается связь психической деятельности с преступлением. Кроме того, в рамках данного подхода не указывается на то, что субъективная сторона является обязательным элементом состава преступления, что представляется неверным. Относительно имеющихся в современной доктрине определений понятия субъективной стороны можно отметить их немногочисленность, дублирование друг друга, что говорит о недостаточной проработанности института субъективной стороны в науке уголовного права.

Думается, что наиболее корректным является определение субъективной стороны следующим образом: «элемент состава преступления, который характеризуется отражением в сознании виновного объективных признаков содеянного и отношением к ним субъекта, характеризуется конкретной формой вины, мотивом, целью, а в отдельных случаях и эмоциями, своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта» [28, с. 139].

Содержание субъективной стороны может выражаться в совокупности таких её элементов, как вина, цель и мотив. В современной научной среде можно встретить также мнения, согласно которым в содержание субъективной стороны включаются эмоции. Ряд авторов относят данный элемент к факультативным признакам субъективной стороны; другие полагают, что эмоции относятся к субъекту преступления; третья выступают против выделения эмоций, как элемента субъективной стороны. По данному поводу можно отметить, что, поскольку сам уголовный закон предусматривает ситуации, когда эмоциональное состояние (аффект) закреплено в качестве

элемента состава преступления, выделение такого элемента субъективной стороны, как эмоции, допустимо.

Основные значимые аспекты субъективной стороны возможно сформулировать следующим образом:

- позволяет отграничивать преступное деяние от непреступного, а также смежные составы преступлений друг от друга;
- необходима для индивидуализации наказания;
- взаимосвязана со степенью общественной опасности преступления;
- имеет важное значение при ограничении добровольного отказа от совершения преступления от покушения на преступление;
- рассматривается рядом исследователей в качестве критерия категоризации преступлений;
- является ключевой для квалификации ряда составов.

Необходимо также обратить внимание, а то, что рядом исследователей обосновывается, что субъективная сторона вовсе не является обязательным элементом состава преступления, более того, имеет место ее отсутствие для составов преступлений, которые совершаются путем бездействия. С этим представляется целесообразным не согласиться, поскольку преступное бездействие, также, как и действие, подразумевает наличие вины. К примеру, такой состав преступления, как оставление в опасности совершается путем бездействия, однако в данном случае налицо наличие вины в форме умысла. Согласно положению ст. 125 УК РФ оставление без помощи потерпевшего является заведомым, а значит, совершается умышленно. В данном случае очевидно наличие субъективной стороны.

Проанализировав определения понятия умысла в правовой доктрине, можно отметить, что практически каждый автор, при формулировании определения понятия умысел, останавливается на таком признаке, как осознание или желание наступления общественно-опасных последствий. Думается, что умысел – это, прежде всего, направленность действий субъекта на получение определенного преступного результата.

Неосторожная форма вины в уголовном законе представлена в виде легкомыслия и небрежности. Отличием легкомыслия от небрежности является предвидение как фактических признаков, так и общественно – опасного характера своих действий/бездействия. При легкомыслии лицо, как правило, предвидит последствия, а при небрежности - нет, хотя и должно.

Мотив и цель, как элементы субъективной стороны, имеют важное значение. Однако уголовный закон не дает им определения, хотя и упоминает их в отдельных статьях общей и особенной частей. Мотив и цель преступления в УК РФ встречаются в качестве отягчающих обстоятельств Общей части; в качестве элементов основного состава преступления Особенной части и в качестве квалифицирующих обстоятельств преступлений, закрепленных в Особенной части уголовного закона. Мотив сострадания также выступает в качестве смягчающего обстоятельства, закрепленного в Общей части УК РФ.

В современной научной доктрине мотив определяется, как внутреннее побуждение к достижению цели преступления; как побудительный стимул; как движущую силу. Некоторые авторы отмечают, что мотив следует рассматривать, как совокупность потребности субъекта, осознания данной потребности, побуждающей силы и активации механизма преодоления ценностных установок субъекта.

Цель преступления в современной доктрине, преимущественно, определяется, как представление субъекта о желаемом результате либо как преступный результат. Думается, что более правильно рассматривать цель преступления, именно, как представление субъекта о желаемом результате. Мотив и цель взаимосвязаны и обуславливают друг друга, мотив выступает в качестве причины, по которой совершается преступление, а цель - в качестве средства достижения желаемого результата.

Ввиду того, что мотив является сложно установимой категорией, авторы предлагают отказаться от категории мотива преступления и сосредоточиться на цели. С данным утверждением нельзя согласиться, поскольку мотивы, несмотря на сложность установления имеют решающее значение в

квалификации ряда преступлений, в частности, таких, как хулиганство, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение, посягательство на жизнь государственного деятеля и других. Кроме того, мотив является тем обстоятельством, которое подлежит доказыванию, согласно УПК РФ. Кроме того, в судебной практике отсутствие доказательств необходимого мотива выступает в качестве основания возвращения уголовного дела на доследование.

Установление субъективной стороны сопряжено с рядом проблем, которые обусловлены отсутствием точно сформированных объективных критериев определения формы вины, целей и мотивов. В свою очередь, обстоятельства деяния не всегда могут формировать правильную картину относительно направленности умысла, целей или мотивов. Установление субъективной стороны также усложняется содержанием оценочных понятий, характеризующих ее элементы, в уголовно-правовых нормах. Особую сложность представляет установление таких мотивов, как личная заинтересованность, личная неприязнь, дискриминационные мотивы. Анализ судебной практики говорит о том, что субъективная сторона, зачастую определяется по усмотрению органов следствия и суда. В аналогичных делах в одном случае деяние квалифицируется, как совершенное в форме умысла, а в другом – как совершенное по неосторожности.

В современной научной доктрине отмечается, что достаточно распространены ошибки при установлении субъективной стороны. Это подтверждается анализом судебной практики. Наиболее часто встречающимися ошибками в установлении субъективной стороны можно назвать не указание или неверное указание формы вины, целей и мотивов преступления судом. Кроме того, встречаются такие ошибки, как указание общего мотива для всех соучастников при том, что они отличаются для некоторых из соучастников. Также встречаются ошибки, выраженные в несоответствии описания интеллектуального и волевого элементов установленной форме вины и ошибки указания судом видов умысла либо

неосторожности, которые не могут иметь место на данной стадии преступления.

Выявленные многочисленные ошибки в установлении субъективной стороны преступления говорят не только о необходимости подробного исследования данного элемента состава преступного деяния, но и обуславливают важность реформирования правовой регламентации субъективной стороны и ее составляющих, установление подробных, четких критериев их определения.

Значение субъективной стороны преступления невозможно переоценить. Она выступает центральным элементом, связывающим объективно совершенное деяние с внутренним миром человека. Без её установления невозможно ни привлечь к ответственности, ни правильно квалифицировать содеянное, ни назначить справедливое наказание. Именно субъективная сторона превращает простое причинение вреда в уголовно наказуемое деяние, обеспечивая тем самым реализацию основополагающего принципа виновной ответственности и защищая права человека от произвола.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдульманов А.А., Борисов С.В., Боровиков В.Б., и др. Уголовное право России (учебник в двух томах, том первый: Общая часть; под ред. доктора юрид. наук., проф. Н.Г. Кадникова). М. : ИД Юриспруденция, 2018. 436 с.
2. Авдеенко Н.А. К проблеме зависимости квалифицированных составов преступлений от института категоризации преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 59-60.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда № 88-АПУ19-1 от 06 марта 2019 года по делу № 88-АПУ19-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?page1&req=card&ts=vjWdIjUOITm4xdd7&rnd=LFVdIjUvWgnnWi3P#splus/> (дата обращения: 24.04.2025).
4. Апелляционное определение Московского городского суда № 10-15868/2023 от 13 октября 20123 года по делу № 10-15868/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/c2cf8750-2625-11ee-aed7-fd8b1acceadf/> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Апелляционное постановление Владимирского областного суда № 22-2353/2020 от 16 декабря 2020 г. по делу № 1-93/2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&rnd=TAM2Zw&ts=a0ILJjU690kORYbZ1#splus> (дата обращения: 24.04.2025).
6. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-7102/2015 от 11 июня 2015 года по делу № 10-7102/2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/9a7dc237-97f4-452d-b422-404fc371cfc8/> (дата обращения: 04.04.2025).

7. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми № 22-965/2020 от 15 мая 2020 года по делу № 22-965/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1024485428>. (дата обращения: 24.04.2025).

8. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-21440/2023 от 18 декабря 2023 года по делу № 10-21440/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/294b6f60-5ec2-11ee-b82b-8da22412c3b8/> (дата обращения: 06.04.2025).

9. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-1642/2021 от 15 сентября 2021 года по делу № 1-184/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&rnd=TAM2Zw&ts=a0ILJjU690kORYbZ1#splus/> (дата обращения: 25.04.2025).

10. Апелляционное постановление Невинномысского городского суда Ставропольского края № 10-1/2024 от 09 февраля 2024 года по делу № 10-1/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/339279004/paragraph/13/doclist/6791/2/0/01/> (дата обращения: 25.04.2025).

11. Апелляционное постановление Верховного суда Чувашской Республики № 1-265/2024 от 29 февраля 2024 года по делу № 1-292/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fek2T0Sc6XxV/> (дата обращения: 25.04.2025).

12. Апелляционное постановление Самарского областного суда № 22-160/2024 от 17 января 2024 года по делу № 22-160/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KzZBQodpn66R/> (дата обращения: 25.04.2025).

13. Артемова М.О., Митрофанова Ю.И. Понятие вины в уголовном праве // Академическая публицистика. 2017. № 12. С. 352-355.

14. Архипцев И.Н., Коцюмбас М.С. Уголовно-правовое значение цели и мотива в составе преступления // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 2. С. 39-43.
15. Беляева М.Г. Соотношение террористического акта с диверсией // Современные инновации. 2017. № 7 (21). С. 39-40.
16. Борисевич М.М., Пяткевич И.И. Актуальные проблемы учения о субъективной стороне преступления // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 262-267.
17. Борисова Е.К., Гиль Е.А. Соотношение мотива и целей совершения преступления // Проблемы науки. 2019. № 4 (40). С. 78-79.
18. Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник; 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. 1344 с.
19. Валуйсков Н.В., Бондаренко Л.В., Арутюнян А.Д. Понятие вины и виновности в уголовном праве // БГЖ. 2017. № 3 (20) С. 345-347.
20. Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ понятия субъективной стороны преступления как элемента состава преступного деяния // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (69). С. 9-11.
21. Гавриленков С.А. Юридическое содержание вины и виновности в уголовном законе Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2014. № 2 (12). С. 39-47.
22. Гадышев, А.А. Понятие и содержание категории вины // Актуальные исследования. 2023. № 4 3 (173). С. 46-49.
23. Галушкина Е.А. Понятие вины в российском уголовном праве // Теория и практика современной науки. 204. № 3 (105). С. 30-39.
24. Герасимов А.М. Соотношение структурных элементов преступления и состава преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 186-192.
25. Гиль Е.А. Классификация и значение мотивов и целей преступления // Наука и образование сегодня. 2019. № 5 (40). С. 95-96.

26. Грецкий И.А. Дискриминационные мотивы и их установление в субъективной стороне необоснованных отказа лицу в приеме на работу или увольнения работника (ст. 144.1 и 145 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4 (149). С. 105-114.

27. Донец С.П. Квалификация преступлений и назначение наказания при наличии квалифицирующих (привилегирующих) признаков с умышленной и неосторожной формой вины: теоретико-прикладные вопросы // Российский следователь. 2019. № 1. С. 51-57.

28. Епифанов Б.В. Субъективная сторона преступления. Лекция // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 2. С. 138-160.

29. Затуливетров Е.В. Мотив преступления. Субъективная сторона // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 4-2. С. 34-36.

30. Зотова А.А. Значение мотива и цели в оценке субъективной стороны преступления в современном уголовном праве // Administrative Consulting. 2021. Т. 7. № 1. С. 21-25.

31. Капинус О.С. Квалификация преступлений: учебное пособие для вузов (2-е изд.). М.: Издательство Юрайт. 2022. 204 с.

32. Кассационное определение Судебной Коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции № 7У-2073/2020 от 16 апреля 2020 года по делу № 7У-2073/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/315884487/paragraph/1:0/> (дата обращения: 22.04.2025).

33. Колчакова К.Р. Уголовно-правовое значение мотива и цели при квалификации преступлений // Вестник науки. 2024. Т. 1. № 5 (74). С. 202-207.

34. Кораблёва С.Ю. Концепции вины и проблемы определения виновности в уголовном праве России и зарубежных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 3 (836). С. 295-301.

35. Кулев А.Г., Кулева Л.О. Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 130-137.
36. Ларина Л.Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом // Вестник ЮГУ. 2024. № 3. С. 10-17.
37. Макаров Р.В., Габдрахманов Ф.В. Квалификационные ошибки при определении субъективной стороны преступления и их классификация // Евразийская адвокатура. 2018. № 2 (33). С. 37-42.
38. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: монография. М. : Юриспруденция. 2015. 560 с.
39. Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны преступления: теоретико-прикладное исследование: автореф... дисс. канд. юрид. наук. Нижний новгород, 2017. 40 с.
40. Муромцев А.М. К вопросу о сущности умышленной формы вины // Наука. Общество. Государство. 2020. № 3 (31). С. 137-143.
41. Найбайченко В.В. Умысел в преступлениях: закон, теория и судебная практика // Вестник СГЮА. 2015. № 5 (106). С. 161-165.
42. Новиков Н.С., Пашков А.И. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сборник статей 13-й Международной научно-практической конференции, Курск, 26 октября 2023 года. Курск : ЗАО «Университетская книга». 2023. С. 79-82.
43. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 69-УД19-12. [Электронный ресурс]. URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&rnd=fn185Q&ts=e3EODjUVcFzSFBmD#splus/> (дата обращения: 23.04.2025).
44. Плотников А.И. Мотив и цель: соотношение и уголовно-правовое значение в свете традиции и законодательных новаций // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 38. С. 157-161.

45. Попова М.А. К вопросу о соотношении мотива преступления с целями и эмоциями в российском уголовном праве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 1 (43). С. 135-142.

46. Постановление Пленума Верховного суда от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»// Российская газета. № 296. 31.12.2019.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. № 24. 09.02.1999.

48. Приговор Акташского районного суда № 1-13/2019 от 26 февраля 2019 года по делу № 1-13/2019. [Электронный ресурс]: URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?page=splus&splusFind=145&req=card&ts=fXmJJjUuUXF4rAkw&rnd=WvkJJjUZHUt1hgo6#splus> / (дата обращения: 08.04.2025).

49. Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-173/2021 от 28 июня 2021 года по делу № 1-173/2021 [Электронный ресурс]: URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?page=splus&splusFind=145&req=card&ts=fXmJJjUuUXF4rAkw&rnd=WvkJJjUZHUt1hgo6#splus> (дата обращения: 08.04.2025).

50. Приговор Самарского областного суда № 22-6287/2023 от 17 ноября 2023 года по делу № 22-6287/2021 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h5zCeQGnen1j/> (дата обращения: 08.04.2025).

51. Решение Верховного Суда РФ № 5-282/33/2020 от 28 сентября 2023 года по делу № 5-282/33/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/advancedsearch/6749:0/> (дата обращения: 25.04.2025).

52. Сидакова Т.М., Караева Л.Х. Мотив и цель как признаки субъективной стороны преступления // Вестник магистратуры. 2019. № 5 (92). С. 73-75.

53. Сидорова А.Д. Общие положения субъективной стороны преступления // Перспективные научные исследования. 2018: Материалы

Международной (заочной) научно-практической конференции, Кишинев, Молдавия, 14 февраля 2018 года / под общей редакцией А.И. Вострецова. Кишинев, Молдавия: Научно-издательский центр Мир науки. 2018. С. 47-50.

54. Степанова В.В. Состав преступления как юридическая основа квалификации преступления // Современные исследования: теория и практика: сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 22 декабря 2022 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука». 2022. С. 19-24.

55. Сыпачев А.Ю., Ярошенко С.А. Отдельные аспекты раскрытия умышленных убийств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 129-134.

56. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

57. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

58. Улитин И.Н. Эмоции и их уголовно-правовое значение: дискуссионные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2019. № 5 (135). С. 74-77.

59. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. Монография. М. : 2017 г. 224 с.

60. Шевченко Е.А. Понятие и значение субъективной стороны преступления // Modern Science. 2021. № 5-1. С. 261-264.

61. Юрчак Е.В. Теория вины в праве // Е.В. Юрчак. – М. : Проспект. 2017 г. 160 с.

62. Якушин В.А. Эмоции как признак субъективной стороны преступления и их значение в уголовном праве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 1. № 3 (108). С. 134-140.